

Россия - 2005 - 6-12 окт. - с. 14

Владимир АНДРЮКИН:

Богатые страны – не те, где много нефти, а те, где люди хорошо живут

Беседовала
Ольга Шатохина

Танцевали люди всегда. Вокруг первобытного костра и на сияющем паркете светских раутов. Запрещали танцы, было дело. То все разом, чтобы публика от серьезных дел не отвлекалась, то выборочно – вальс, рок-н-ролл. За неприличие и антиидеологичность. Но жажда танцевать неизменно оказывалась сильнее. Наш сегодняшний собеседник Владимир Андрюкин убежден, что это неспроста – ведь в танце воплощена энергия самой жизни.

— Сейчас не совсем понятно, где можно потанцевать человеку, далекому от профессионального танца, но умеющему или обучающемуся танцевать, — просто для собственного удовольствия. Ведь на дискотеках и в ночных клубах частенько танцуют так, что учиться этому явно не требуется...

— Я не очень большой знаток московских танцевальных клубов, но надеюсь, что все-таки стали появляться места, где можно потанцевать, например, рок-н-ролл. Есть клубы любителей свинга, танго, сальсы. Возможно, в ближайшем будущем появятся и клубы классического танца, дансинги, которые существуют во всем мире. Я имею в виду клубы или кафе, в которых есть достаточно большая танцевальная площадка, где играет классическая танцевальная музыка в различных, в том числе и самых современных, аранжировках. В Европе это не проблема. Практически все мало-мальски достойные заведения либо имеют танцевальный оркестр, либо, если там проходит дискотека, обязательно учитывают и интересы аудитории, которая любит танцевать балльные танцы. А под балльными танцами я понимаю достаточно широкий спектр танцевальной культуры — практически все, что танцуются людьми на танцевальных площадках, но преимущественно то, что танцуют вдвоем или, как это до сих пор модно в Америке, танцуют организационными группами. Просто встают и организованно исполняют какие-то элементарные танцевальные движения. Думаю, что и в Москве все-таки можно найти место, где потанцевать, если очень хочется, но, согласен, этот дефицит существует.

— Какая публика ходит в дансинги на Западе?

— У меня всегда была легкая зависть к Европе, особенно к Германии или Финляндии. Там существует масса танцевальных школ, в которых занимаются взрослые люди. Но при этом существует замечательная традиция. В пятницу или субботу все участники этой школы собираются в том же зале, который быстро переоборудуется в подобие кафе, ставятся столики, обеспечиваются легкие закуски и напитки. И начинается танцевальный вечер. Публика приходит уже в красивой одежде и проводит целый вечер, танцуя с людьми, которые, в свою очередь, умеют танцевать. Это могут быть уже сложившиеся пары или партнеры, которые находят друг друга на время этого вечера. Но все они, таким образом, очень здорово проводят свободное время. Я всегда смотрел на это с легкой грустью и завистью. Замечательная традиция! Раньше она и у нас существовала — были танцевальные вечера. Поколение моих родителей, люди более старшего возраста их прекрасно помнят. Отец моей партнерши Ольги Андрюкиной, генерал Советской армии, окончил военное училище, и там ему преподавали среди прочего основы танцевального образования. Танго, вальс, краковяк, другие популярные в то время танцы. И он всегда танцевал со своей женой, когда была возможность. Выглядело со стороны это очень красиво, и я знаю, что они получали большое удовольствие.

— Люди старшего поколения и у нас до сих пор танцуют классические танцы, а как их внуки?

— Сейчас в той же Финляндии удивляешься, как много на таких вечерах танцует именно молодежь. Если это не очень поздно, можно увидеть и совсем малышни, родители приводят детей, и детишки тоже танцуют вместе со всеми. Как ни странно, любимыми и популярными танцами до сих пор остаются танго, польки, национальные танцы. То же самое — в Чехословакии, Италии, Монте-Карло, везде в Европе. ГДР и Чехословакия, пережив социалистический период, все это сохранили, сберегли такой важный элемент культуры общества, как умение организованно двигаться на танцевальной площадке. Находясь за рубежом и видя, как выходят наши соотечественники... в подавляющем большинстве случаев, прямо скажем, это случается в результате подпитки, осознания, что не умеют люди танцевать! Хотя, но не умеют. При этом, что для большинства людей потребность в танце органична, естественна. От природы заложены чувство ритма, восприятие музыки. Так или иначе, слушая музыку, люди начинают притопывать, прищипывать пальцами, а если бы они умели, то всякий пошел бы танцевать. Но все последние годы нам было не до танцев. Надеюсь, что ситуация изменится.

— А может, это связано не только с обилием спонсируемых проблем, но и с нашим менталитетом, специфическим мрачным восприятием мира?

— Да. Ярким примером могут служить балы, которые уже несколько лет в Москве проводятся на самом высоком уровне. Туда приходит элита российского общества, элита

Юлия Мамонтова

таких потихонечку ситуация меняется. Надо, чтобы возникла мода на танец! Сначала все в теннис играли, потом дзюдо увлеклись, теперь вот лошадиными стали интересоваться. Когда кто-то из наших высших руководителей окажется любителем танцев, может, мы и затанцуем все! (Смеется.)

— А мода на какие-то определенные танцы или стили существует?

— Конечно. С одной стороны, танец, как и все виды деятельности, да та же журналистика, меняется. Трудно ведь сравнить, как сейчас делается газета и как это происходило раньше.

— Техника меняется. А само ремесло — ничуть.

— И в танцах то же самое. Меняется технология, меняется музыка, темп. Изначально в танцах существовало два

таких потихонечку ситуация меняется. Надо, чтобы возникла мода на танец! Сначала все в теннис играли, потом дзюдо увлеклись, теперь вот лошадиными стали интересоваться. Когда кто-то из наших высших руководителей окажется любителем танцев, может, мы и затанцуем все! (Смеется.)

— А мода на какие-то определенные танцы или стили существует?

— Конечно. С одной стороны, танец, как и все виды деятельности, да та же журналистика, меняется. Трудно ведь сравнить, как сейчас делается газета и как это происходило раньше.

— Техника меняется. А само ремесло — ничуть.

— И в танцах то же самое. Меняется технология, меняется музыка, темп. Изначально в танцах существовало два

направления. Может, я немножко упрощаю, но тем не менее... Одна сторона — когда человек просто хочет самовыразиться в пластике. Как правило, это выражается в том, что сейчас принято называть быстрыми танцами. Он или она выходит на площадку и все, на что способен или чего требует эмоциональное состояние, пытается выразить. Вторая сторона — когда люди хотят танцевать, двигаться вдвоем. Сейчас это называется медленным танцем.

— Обычно в этом тоже выражается определенное настроение...

— Медленный танец... проще говоря, публичные обнимания под музыку. Но ничего плохого в этом не вижу, я только «за», но есть возможность получить от процесса значительно больше удовольствия. И это вопрос именно образования... или лени. Знаете, это как с теннисом. Простая вещь — теннис, и масса людей, которые приходили на корт, вдруг понимали, что недостаточно взять ракетку, надо сделать красивую форму... От этого ты не заиграешь, надо учиться. В танцах точно такая же история. Другое дело, что

там все гораздо доступнее. Для тенниса надо искать где-то специальный корт, форму, ракетку эту самую. А клубы и дискотеки — на каждом углу. И вся молодежь поголовно ходит в кафе. Так что танцы — это вопрос пропаганды, агитации, привития культуры. Абсолютно уверен, что люди это воспримут. Это же так естественно — желание потанцевать. Это не экономическая или идеологическая пропаганда, которая придумана искусственно. Танцы — это жизнь.

— Скажите, как по-вашему, сейчас на уровне подоснания остается память о том, что танец когда-то был ритуальным действием?

— Конечно. Я не раз наблюдал... хотя мне трудно судить, поскольку сам танцевал и для меня танец был образом жизни. По-настоящему у хорошо себя чувствовал только во время танца. Причем совсем не обязательно, чтобы это было публичное выступление. Это могло быть во время тренировки в пустом зале. Вдруг, исполняя то или иное движение под определенную музыку, ты понимаешь, что это — ХОРОШО. И ты приходишь в откровенно замечательное состояние.

— Вот о том и речь!

— Мы можем наблюдать

это, даже зайдя на современную дискотеку в определен- ный момент. Можно наблюдать совершенно невероятную картину, когда значительная часть публики находится в состоянии, приближенном к транс. Причем это происходило во все годы. Сейчас танцуют под определенную музыку, но то же самое было, когда миллионы людей в совершенно отрешенном состоянии танцевали легкую-енку. Танцевали рок-н-ролл — точно так же, забывая обо всем на свете и входя в транс. Нам сейчас трудно такое представить, но когда впервые появился вальс и люди начали его танцевать, это же было что-то из космической области! Ведь неспроста короли и римские папы своими указами запрещали или разрешали танцевать вальс...

У людей, когда они впервые становились в пару и дотрагивались руками публично, это вызывало совершенно одно- значные и физические, и психологические реакции. Как у участников, так и у тех, кто за ними наблюдал.

Поэтому я думаю, что в танце несомненно заложена отсылка мощная сакральная составляющая. Нам переводчик не нужен! На нас смотрят — и нас все понимают, от японцев до англичан. Русский человек в Финляндии танцует аргентинское танго и вызывает овацию! Без малейшего слова комментариев. Играет музыка, танцуют люди — и все всем понятно. Значит, это идет откуда-то очень глубоко изнутри.

— Причем у многих наро- дов традиционные тане- вальные движения совпада- ют, даже у тех, которые исторически не контактили друг с другом.

— Масса таких случаев, и даже песни совпадают. Есть прекрасная латиноамерикан- ская песня «Орфео негра» — так она по мелодии почти один в один совпадает с песней «Ямщик, не гони лоша- дей». У них абсолютно одина- ковый запев, нота в ноте! Если бы не знать, что обе песни появились в какие-то незапа- мятные времена... Помню, первая мысль была, когда услышал: «Содрали!» Потом до- думался: да как же, ведь тогда не было ни радио, ни телеви- дения, тем более в глубинах амазонской сельвы. Так же обстоит дело и в пластике, и в движениях...

— А пример?

— Легко! Во всем мире в танце топают ногами. У нас как-то дробушки делают, в Ирландии — их собственное выстукивание. И если мы возьмем танец, который исполняют именно на бытовом уровне, как в деревне танцуют, а не Lord Of The Dances или ансамбль Моисеева на сцене, то, уверяю, в деревне у нас или в Ирландии найдется масса совпадений. Замеча- тельный Игорь Моисеев отоб- рал часть движений и пере- нес их на сцену, и то же самое сделал Майкл Флетли — по- лучилось отлично, но в наро- де так никто не танцует. Это одна история. Вторая: все версии кадрили в том или ином виде присутствовали и у русских, и у европейцев, и даже у американских народно- стей — у всех люди под музы- ку общались, менялись места- ми. Да-да, это был способ об- щения под музыку.

— Что же, теперь людей надо заново учить не только танцевать, но и общаться? Ведь действительно у нас и с общением проблемы, неда- ром так много говорится об «одиночестве в больших го- родах». А почему так мало танцевальных программ в концертных залах и на теле- видении? Неужели спроса нет?

— Если обращаться к моим профессиональным пробле- мам, скажу, что «Звездному экспрессу» повезло: мы обра- зовались в советское время. А все последние годы мы суще- ствовали лишь потому, что у нас есть зарубежные гастро- ли. Раньше все было прочно и финансово, и организацион- но. Тогда существовала нор- мальная традиция устраивать гастроли танцевальных кол- лективов. И зрители знали: вот придет ансамбль Моисеева, посмотрим танцы. И точно так же ездили мы, и зал был полон. Не потому, что шли на «Звездный экспрес- с», а потому, что шли «на танцы».

В наше время этого уже не- достаточно. Люди идут не «на танцы», а на раскрученные имена. Я говорю даже не про нас самих, а про танцы вообще. Современных танцеваль- ных гастроллирующих кол- лективов практически нет. Вер- нее, они есть, существуют, но им не по плечу и не по карма- ну выйти на уровень попу- лярности, «прокатности» эс- традных звезд. А канал «Культура» мог бы заинтере- соваться такими вещами. Это же их формат. Но разговор с

телевизионными людьми все- гда идет очень сложно. Они спрашивают: «А почему мы должны показывать какой- либо коллектив, вместо того чтобы просто взять нарезку из имеющихся записей, из теле- визионных шоу и мюзик- лов или кинофильмов?» У меня всегда возникает встреч- ный вопрос: «А почему мы показываем живых музыкан- тов, исполняющих те же про- изведения, которые исполня- ли сто лет назад?» Или клас- сический балет? «Лебединое озеро» как ставили сто лет на- зад, так и сейчас ставят. Тем не менее его все время возбо- новляют и показывают новые версии, а не редакцию столет- ней давности.

— А как вам современный балет?

— Я в принципе приветствую его, но мне, если честно, на современных балетных спектаклях скучновато. Быть может, у меня воспитание такое, мы же воспитаны на советском драматическом балете. А современный балет я иногда наблюдаю с восторгом, но только как технологический изыск: как хореографы доводят танцовщиков до такого состоя- ния, что они выделяют эти- лические движения?.. Хотя получа- ются очень часто движения ра- ди движений. Существует определенная категория зрите- лей, которые этим наслажда- ются. А я в состоянии это оце- нить, но не могу этим насла- жаться. Мне бы хотелось, чтобы эти красивые, интересные, с выдумкой сделанные хорео- графические изыски носили бы еще и какой-то содержа- тельный смысл, хотя бы по минимуму. Потому что когда я вижу спектакли, поставлен- ные на музыку шумовую, где есть только шум — тазы гре- мят, большие вентиляторы во- ют, — через несколько минут я от этого устаю.

— Может и головная боль начаться...

— Я думаю, что такого рода отступления существуют сей- час в очень многих жанрах, и связано это с тем, что сей- час — особенно у нас в Рос- сии — происходит некий пере- од становления всего. Преж- ние стереотипы и стандарты разрушены, новые еще не сформировались, все носит спиюминутный характер — «сейчас модно делать вот так». Думаю, должен пройти какой-то период времени во всей деятельности нашей, прежде чем мы вернемся к то- му, что существует давно во всем мире, где нет таких рез- ких социально-экономиче- ских катаклизмов. Тогда на фоне общей мощной стабиль- ной культурно-эстетической базы все изыски будут смот- реться органично. Изыски — они и есть изыски...

— Вишенка на торте...

— Примерно так. И никто не будет претендовать на пра- во говорить «надо делать так». А у нас существует тен- денция, мол, если надо делать что-то, то все начинают де- лать одинаково. Очень мало людей, которые в состоянии посмотреть и спросить: а по- чему так-то? Ведь можно сов- сем иначе. Я думаю, что это проблема нашего переходного периода.

— А не связана ли она с массовой неуверенностью в себе и в завтрашнем дне?

— Абсолютно точно! Я это и имею в виду. Скажем, с- сящаясь с музыкантами из Ев- ропы, я знаю, как они живут. Вот он сидит у себя в студии, ваяет там какую-то музыку, и когда спрашиваешь его об экономических перспективах всего этого, он не особенно тревожится. У него будущее достаточно внятно обеспече- но. Он знает, что в любом случае будет сыт, обут, одет. А при удачном стечении об- стоятельств его творчество принесет очень внушитель- ные дивиденды. Это в луч- шем случае. В худшем — он останется при своих, но все равно будет сыт, обут и одет. А у нас нет этого состояния спокойствия.

— Нет принципиальной по- литики или возможности та- кой нет — поддерживать культуру и искусство так, как это происходило в благо- получных богатых странах?

— Я называю богатыми те страны, в которых много нефти, а те страны, где люди хорошо живут. В этом смысле Россия явно не богатая страна. У меня главная пробле- ма — как прокормить моих ар- тистов. Все творческие задачи решаются в следующей оче- редь. Единственные деньги, на которые мы можем рассчиты- ваться, это деньги за выступле- ния. Понятия спонсорства, меценатства распространяют- ся только на тех, кто уже хо- рошо раскручен. Потому что таким образом спонсорство окупается.

— Являясь, стало быть, вложенным в рекламу, а не подарком.

— Совершенно верно. Но это тоже проблема нашего времени. Лет 10–15 назад че- ловек, зарабатывавший много денег, мог прийти к артисту и сказать: «Ну вот, на тебе 100 тысяч». Это было вполне нор- мально. И он не думал, как эти деньги вернуть, поскольку знал, что завтра он добудет еще столько же, а то и боль- ше. Причем легко. Сейчас этот период прошел, деньги начинают зарабатывать сложнее, по крайней мере у тех, кто зарабатывает их бо- лее-менее честно. Соответс- венно, люди начинают их счи- тать и просто так не тратят. Думаю, что проблема разви- тия искусства, культуры, на- уки — это все же государствен- ная проблема. Вложение де- нег в культуру обязательно обернется тем, что наше обще- ство станет красивее и воспи- таннее, что нам приятнее бу- дет друг на друга смотреть и друг с другом общаться.

Наша справка

Владимир Андрюкин — танцор, хореограф, художественный руководитель данс-шоу «Звездный экспресс». Автор многочисленных танцеваль- ных программ — от классических европейских и латиноамериканских балльных танцев до навеян- ных темами всемирно известных мюзиклов, кино- фильмов, различных карнавалов и фестивалей.

Владимир Андрюкин родился в Орле. В 1974 году поступил в Московский энергетический ин- ститут на радиотехнический факультет. Во время учебы продолжал серьезно заниматься балльными

танцами. В 1978 году начал выступать вместе с Ольгой Чеботаревой, которая впоследствии стала Андрюкиной. С 1983-го по 1987 год Владимир и Ольга танцевали как профессионалы. В 1987 году на «Мировом чемпионате всех звезд», который проходил в Токио, Владимир и Ольга Андрюкины вошли в десятку лучших пар мира. После этого чемпионата они приняли решение закончить свою спортивную карьеру. К тому времени они по- лучили профессиональное образование, окончив балетмейстерское отделение ГИТИСа.